

М. Л. Михайлов

Из Берлина

М. Л. Михайлов. Сочинения в трех томах.
Том третий. Критика и библиография. <Записки>
М., ГИХЛ, 1958
[OCR Бычков М. Н.](#)

Дорога от Петербурга. -- Кенигсберг. -- Первые весенние дни.-- Полицейский скандал.-- Парламентские заседания.-- Скучность литературных новостей.-- Переписка Рахели с Давидом Фейтом.-- Два слова о немецких женщинах.-- Переписка Гейне и полемика Штейнмана.-- Умерший свидетель.-- Знакомство с Ауэрбахом.

...Вместо тепла и зелени, которых мы ждали за Динабургом, нас обсыпало снегом, и навстречу быстро несшейся почтовой карете попадались еще совсем голые пирамидальные тополи, очень похожие в этом виде на громадные пучки розог. Нельзя сказать, чтобы переезд от Динабурга, где перерывается железная дорога, до Ковно, где она опять начинается, был приятен и удобен. Почтовая карета кажется особенно тряскою, если пересесть в нее из спокойного вагона; а нам пришлось провести в ней всю ночь и, разумеется, не спать, а только чутко дремать. Переправа через Двину не обещала, что мы поспеем вовремя и к ковенскому поезду. Несмотря на шум, гам и суетливый крик перевозчиков-жидов, или, лучше сказать, именно от этого шума и гама мы чуть не шесть часов провели на пароме, под холодным и пронзительным ветром. Берег был уже в двух шагах, как нас отшибло назад; перевозчики не сумели справиться,-- и нам пришлось два раза переправляться с невероятными усилиями целой толпы крикливого народу. Хорошие лошади выручили нас потом,-- и мы приехали в Ковно как раз вовремя, за полчаса до отправления поезда. В Эйдкунене нас очень любезно и без всяких придинок осмотрели прусские таможенные чиновники, и часа в три пополудни или около того на третий день после выезда из Петербурга мы были в Кенигсберге, где можно было наконец отдохнуть от утомительной и почти бессонной дороги. Здесь было уже довольно тепло, довольно зелено, и по случаю праздника вознесенья (9-е мая, по нашему 27-е апреля) студенты, филистеры и прусские воины шли по улицам, с дамами и без дам, за город, на гулянье. За серыми городскими стенами есть где погулять кенигсбергцам и насладиться весенним воздухом и пивом. Зеленые аллеи этих довольно скромных кенигсбергских парков, с не менее скромными кофейнями, пивными и ресторациями на каждом шагу и по обеим сторонам, были единственным предметом, который занял меня тут на полчаса и после дорожной усталости. Осматривать другие достопримечательности города мне казалось совершенно излишнею заботою; да и что за достопримечательности в Кенигсберге? Если же они есть, то о них, верно, рассказано у Карамзина в "Письмах русского путешественника" или у г. Греча в его "Дорожных письмах"; где-то рассказано, но где именно, не помню: там и можно прочитать, если понадобится. Итак, несмотря на то, что Кенигсберг видел я в первый раз, я не хотел отыскивать в его узких, старинного вида улицах, идущих то в гору, то под гору, ни вечной принадлежности каждого немецкого города и городка -- Stadtmuseum'a {городского музея (нем.)}, ни специального преимущества города Кенигсберга -- дома, где родился знаменитый философ Кант. Нет сомнения, что не будь на железной дороге от Петербурга до границы перерыва на двести верст, я и не остановился бы на родине "Критики чистого разума", а проехал бы прямо в Берлин, откуда и пишу к вам теперь.

Здесь уже совсем весна, даже больше -- жаркое лето. В первый день приезда сюда, то есть 10 мая, глядя на толпы, пестро и шумно идущие "под липами" за Бранденбургские ворота, в так называемый "зверинец" (Tiergarten), любоваться молодой зеленью, я готов еще был повторять начальный монолог Фауста в первый весенний день за городскими воротами. Сегодня, когда пыль успела уже порядком насесть на липы, мне хочется сказать с Гейне: "Verlaß Berlin mit seinem dicken Sande!" {"Оставь Берлин с его густою пылью!" (нем.)} и уехать -- разумеется, не в Индию, куда он приглашает и где, конечно, еще более песку, а куда-нибудь в менее людное и менее пыльное место, что я, вероятно, и сделаю завтра. Впрочем, я начал свое письмо не с тем, чтобы рассказывать вам свой маршрут и впечатления, какие